

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНИ В АРХЕОЛОГИИ ПОЛЬШИ ДО КОНЦА XX ВЕКА: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ

Взяться за данную проблему меня подвиг интерес к сравнительному изучению аграрных процессов средневековой Европы с помощью археологии. Результатом проделанной в 80-90-х гг. работы стала монография¹. В данной статье я обращаюсь к историографическому аспекту темы, относящемуся к польской археологической литературе. Возможно, польскому читателю предлагаемый материал покажется неполным. Но, полагаю, всегда интересно увидеть себя со стороны. Этим и оправдываю свое участие в данном сборнике.

В Беларуси сводные работы о польских археологических исследованиях отсутствуют. В советской историографии таковым является разве что опубликованная еще в 1969 г. монография Ю. В. Кухаренко². Но и в ней исследования по аграрным проблемам средневековья не рассматривались. Первое сообщение об исследованиях польских археологов-аграрников в рамках общего обзора для советского читателя, принадлежит перу археолога из Лодзи А. Надольского и было опубликовано в 1972 г.³ Кратко об отдельных результатах археологического изучения деревни указал в рецензии на первый том «Очерков истории материальной культуры Польши» В. Б. Перхавко⁴. Отмечу также, что общий обзор истории археологического изучения средневековой европейской деревни до середины 70-х гг. прошлого века был сделан чешскими исследователями Р. Некудой и М. Берановой⁵. Краткое сопоставление особенностей изучения проблемы в разных странах Центральной и Восточной Европы рассмотрен в вышеуказанной моей монографии⁶.

Интерес к археологическим аспектам аграрной истории Польши в определенной степени сформировался под влиянием историко-географических исследований, которые начались с конца XIX в. Одним из направлений этих исследований было изучение истории заселения польских земель, начатое в 80-90-е гг. XIX в. историками польского крестьянства Т. Войцеховским, Ф. Пекосиньским и О. Бальцером. Опирались они прежде всего на топонимику, а также на письменные источники. Но уже на рубеже XIX/XX вв. К. Потканьски значительно расширил круг источников, добавив к

¹ Я. Г. Риер, *Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным*, Могилев 2000.

² Ю. В. Кухаренко, *Археология Польши*, Москва 1969.

³ А. Надольский, *Археологические источники о начальных этапах польской государственности*, [w:] *Становление раннефеодальных славянских государств*, Киев 1972.

⁴ В. Б. Перхавко, *Проблемы раннесредневековой археологии Польши*. „Советская Археология”, 1984, nr 3, s. 239-248.

⁵ M. Beranová, *Evropské zemědělství v archeologii*, „Archeologické studijní materialy”, 1969.

⁶ Я. Г. Риер, *Аграрный мир...*

топонимике как основе геофизические, этнографические и археологические элементы. В том же направлении в первой четверти XX в. работал и Ф. Буюк. В 20-30-е гг., в значительной степени под влиянием идей Буюка, усиливается интерес к связи поселений с географической средой (К. Я. Гладилевич, Ф. Персовски, В. Самсонович и др.)⁷. Этот интерес к роли географического фактора в сельском расселении сохранился и в последующее время, в том числе в работах археологов, став специфической особенностью польских исследований в области средневековой аграрной археологии.

Впервые на самостоятельное значение археологии в изучении развития сельского расселения указал в 1916 г. один из основателей социально-экономического направления в польской историографии К. Тыменецки. Однако специальных археологических работ по данной проблематике в межвоенный период было мало. Они охватывали, преимущественно, лишь Велькопольшу. Главное внимание уделялось древним городищам – центрам расселения и влиявшим на характер заселенности. Прежде всего – это работы В. Коваленко, не потерявшие своего значения и донныне⁸. Среди представителей этого направления можно назвать и В. Хенселя. В целом, как указывал один из первых послевоенных исследователей деревни, З. Раевски, польская археология первой половины XX в. не внесла значительного вклада в изучение процессов раннего феодализма. Сельские поселения до войны исследовались ограниченно, почти не обследовались окрестности раскопанных объектов. Не расширило знаний и изучение силезских городищ немецкими праисториками 30-х гг.⁹ В итоге, к началу 50-х гг. было в той или иной степени археологически изучено лишь несколько десятков памятников, из которых только немногие связывались с раннесредневековым сельским населением.

В первое послевоенное десятилетие расширилась проблематика исследований, появились новые имена. В. Хенсель не только опубликовал первые два тома Свода раннесредневековых памятников Велькопольши, но и предложил программу дальнейших работ, причем особое внимание обратил на сотрудничество археологии с естественными и природоведческими науками¹⁰. С. Зайховска представила результаты изучения характера расселения, особое внимание уделив реконструкции географической среды II тыс.¹¹ Появились первые публикации З. Подвиńskiej. Две ее статьи касались проблем средневекового расселения, характеристики природной среды и

⁷ M. Młynarska-Kaletynowa, *W sprawie polskich badań nad osadnictwem średniowiecznym*, [w:] *Studia z dziejów osadnictwa*, t. 6, 1968.

⁸ W. Kowalenko, *Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolski wczesnowiecznej*, Poznań. 1938.

⁹ Rajewski Z. *Wczesnośredniowieczne ośrodki wiejskie w świetle dotychczasowego stanu badań*, Warszawa-Wrocław 1957, s. 200-301.

¹⁰ W. Hensel, *Archeologia i nauki przyrodnicze*, „Wszechświat”, 1954, nr 9-10.

¹¹ S. Zajchowska, *Rozwój sieci osadniczej okolic Poznania (XI-XX wiek)*, „Przegląd Zachodni”, 1953, nr 6; Tenże, *Próba rekonstrukcji środowiska geograficznego okolic Bonikowo*, „Przegląd Zachodni”, 1954, nr 11-12.

изучения земледельческих орудий¹². Последнюю тему автор рассмотрела весьма подробно, определив степень ее исследованности и поставив задачи на ближайшее время. Первой из них было расширение источниковой базы. В этих статьях определились научные интересы исследовательницы: проблемы средневекового расселения и сельское хозяйство. Я. Каминьска предприняла первую попытку обобщить имевшиеся материалы о раннесредневековой заселенности Средней Польши¹³. Наряду с археологическими материалами использовались данные топонимики и исторической географии.

Перелом в изучении рассматриваемой проблематики наступил к середине 50-х гг. Расширялась источниковая база исследований, активизировался интерес к материальным основам истории общества, что предопределило повышение роли археологии. Усиливалось понимание археологии как инструмента познания истории трудовых масс, особенно крестьянства¹⁴. Но поначалу преобладало изучение крупных исторических событий и городов. Внимания к сельским поселениям, особенно неукрепленным, было недостаточно, на что в 1955 г. обратил внимание З. Раевски¹⁵. Ему и принадлежит заслуга постановки задач комплексного изучения средневековых сельских поселений, а также определение методов исследований. Ученый ставил задачу изучения деревни путем сочетания целого ряда методических приемов: археологического и геоморфологического изучения поверхности с использованием микротопонимии, письменных данных и старых карт для выявления поселений, а также следов древних полей, пастбищ, феодальных усадеб, фольварков, могильников. Для этого предлагалось создать комплексные исследовательские группы из историков, географов и краеведов, использовать аэрофотосъемку¹⁶. Таким путем предполагалось получать хорошо изученные микрорегионы – территориальные комплексы поселений.

Роль археологии в изучении раннесредневекового сельского расселения привлекла внимание и специалистов по исторической географии. В программной работе о предмете и проблематике изучения расселения С. Зайончковски обратил внимание на то, что в сочетании с письменными материалами, топонимикой и исторической географией археология позволяет выявлять хронологию процесса расселения, связь поселений с ландшафтом и их хозяйственное развитие, а также характер общественных отношений при переходе от родовой организации к территориальной и, затем, к раннефеодальной¹⁷.

¹² Z. Podwińska, *Narzędzia uprawy roli w Polsce w okresie wczesnośredniowiecznym*, Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, t. 3 (1954); Taż, *Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1962.

¹³ J. Kamińska, *Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środkowej na tle osadnictwa*, Łódź 1953.

¹⁴ Ограниченность объема статьи не позволяет приводить всю соответствующую библиографию. Ограничиваюсь наиболее крупными или ключевыми публикациями по называемым проблемам.

¹⁵ Z. Rajewski, *Wczesnośredniowieczne ośrodki wiejskie...*, s. 299-300.

¹⁶ Там же.

¹⁷ S. Zajączkowski, *W sprawie przedmiotu i problematyki badań nad dziejami osadnictwa*, „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej”, t. 4 (1956), nr 2, s. 226-230.

Следует заметить, однако, что исследователь усомнился в возможности представить непрерывную динамику процесса расселения и, по существу, призвал ограничиться очерками расселения в определенные хронологические периоды, аргументируя это случайностью письменных и археологических материалов, а также расплывчатостью археологических датировок¹⁸. Дальнейшие исследования, и, прежде всего, накопление археологического материала, совершенствование методики работ, применение естественнонаучных методов, в том числе и польскими археологами позволили в наиболее исследованных регионах рассеять скептицизм Зайончковского.

В той же статье он предложил при очерчивании подлежащих исследованию районов прежде всего учитывать географические условия, для чего реконструировать с помощью археологии, исторических источников и природоведческих наук естественные ландшафты. Такие работы, отмечал автор, помогут проследить превращение естественного ландшафта в культурный. Таким образом, Зайончковски существенно расширил познавательные возможности археологического изучения сельского расселения.

Завершением рассмотренного цикла теоретико-методических работ явилась статья З. Вожняка о проблемах исследования древнего расселения. В ней автор детализировал предложенную Раевским программу региональных исследований, указал на необходимость учета влияния географической среды на расселение и характер поселений, дал определение комплекса поселений, в который входили кладбища, хозяйственные сооружения вне поселений, поля, дороги, пастбища и проч¹⁹.

Начало 60-х гг. открывает серию публикаций результатов археологического изучения ряда сельских поселений и их комплексов. В. и С. Шафранские представили первое монографическое исследование Бискупинского селища (объект VI) – служебного поселения, жители которого обслуживали расположенный рядом феодальный замок, где в конце X – начале XI в. размещался двор Болеслава Храброго²⁰.

В монографии С. Носека, Я. Махника, Э. Домбровской и Л. Гаевского были представлены результаты растолок 1953-1957 гг. на селище VI-IX и XI - начала XII в. Иголомья под Краковом²¹. Эта раскопки стали первым крупным исследованием сельского поселения в Малопольше. Публиковались материалы работ в других регионах. В целом, разведки и раскопки конца 50 – первой половины 60-х гг. создали существенную базу для обобщений.

Параллельно с этими работами продолжались исследования, в том числе и археолого-природоведческие, направленные на реконструкцию старых

¹⁸ Там же, s. 234.

¹⁹ Z. Woźniak, *Uwagi o problematyce badawczej osadnictwa starożytnego*, „Sprawozdania Archeologiczne”, t. 9, 1960.

²⁰ W. Szafranski, Z. Szafranska, *Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie*, „Polskie Bbadania Archeologiczne”, t. 6 (1961).

²¹ S. Nosek, J. Machnik, E. Dąbrowska, L. Gajewski, I. Igołomia, *Osada wczesnośredniowieczna*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1961.

ландшафтов и их влияния на сельскохозяйственную деятельность. На роль археологии, которая среди исторических наук в наибольшей степени способна использовать природоведческие исследования, обратили внимание С. Курнатовски и Т. Вислянский²². Констатировав недостаточную интеграцию археологических и природоведческих наук, авторы предложили проводить комплексные исследования, когда определенные регионы представители разных дисциплин изучают своими методами, а затем сопоставляют результаты. Это тем более важно, что географы в своих штудиях не всегда учитывали антропогенное влияние на природную среду.

Проблемам методики изучения деревни продолжал заниматься и В. Хенсель. Опираясь на опыт разных европейских стран, он анализировал возможности, которые представляла археология²³. Автор обратил внимание на комплексное изучение географической среды, системы полеводства, других форм хозяйства, социальной структуры, подчеркнул желательность археологического изучения деревни даже в тех странах, где достаточно письменных данных. Ибо для оценки характера деревни по всей раннесредневековой Европе необходимы сравнительные материалы, добытые аналогичными методами²⁴. В статье, написанной совместно Хенселем и Л. Лецеевичем была предложена методика дальнейших археологических исследований поселений²⁵. Авторы положительно оценили сложившиеся в конце 50-х гг. традиции сотрудничества в микрорегиональных исследованиях с геологами и почвоведом, применение аэрофотосъемки, развитие подводной археологии²⁶. Основную цель археологических исследований авторы справедливо видели в возможности социально-исторических обобщений, в выяснении характера деятельности людей через функции открываемых объектов. Но следов земледелия, отмечают они, еще выявлено мало, а сельскохозяйственные орудия не подвергались должному изучению²⁷. Исследователи указали также на роль могильников при решении демографических и социальных вопросов²⁸. В заключении авторы отметили, что археологические методы – лишь одна из дорог, ведущих к познанию истории деревни и города. В исследованиях необходимо опираться на все доступные источники. Поэтому нужны комплексные работы. Иные действия ведут к искажениям²⁹. Несколько позднее Хенсель специально рассмотрел микрорегиональный метод, под которым он понимал всестороннее

²² S. Kurnartowski, T. Wiślański, *Rola archeologii w badaniach historyczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego*, „Studia z Dziejów Gospodarstwa Wiejskiego”, t. 8 (1966), s. 49-55.

²³ W. Hensel, *Archeologia o kulturze wsi wczesnośredniowiecznej (uwagi metodyczne*, „Sprawozdania z Prac Naukowych Wydziału Nauk Społecznych PAN”, t. 5 (1962), z. 5.

²⁴ Там же, s. 107.

²⁵ W. Hensel, L. Leciejewicz, *Metoda archeologiczna w zastosowaniu do badań nad wsią i miastem wczesnośredniowiecznym w Polsce*, „Archeologia Polski”, t. 7 (1962), nr 2.

²⁶ Там же, s. 183-184.

²⁷ Там же, s. 181-182.

²⁸ Там же, s. 284-285.

²⁹ Там же, s. 200.

обследование памятников выбранной территории³⁰. Таким работам, отмечал автор, должны предшествовать детальные природоведческие обследования и археологические разведки с целью выбора объектов последующего изучения. В полном объеме, заключал Хенсель, к середине 60-х гг. такие работы в Польше еще не проводились. З. Качмарчик в те же годы констатировал развитие сотрудничества между археологами и историками³¹.

Серия публикаций 60-х гг. была посвящена изучению процесса раннесредневекового расселения в разных землях Польши³². В одной из первых работ по данной проблематике С. Курнатовски коснулся и теоретических проблем³³. Он указал, что поскольку особенности расселения нельзя объяснить каким-либо одним фактором, необходимо сотрудничество специалистов ряда научных дисциплин. Но при этом природоведческие материалы не должны быть вспомогательными по отношению к археологии, как это звучало в идеях З. Раевского. Значение же археологии состоит в том, что она – единственная из гуманитарных наук, которая может непосредственно связать исследования по истории культуры с природоведческим циклом. Археология также датирует необходимые для естественных наук материалы. То есть она прямо выделяет характер отношений человека с природой в пространственном и временном охвате, что обычно недоступно другим дисциплинам. Из такого познавательного значения археологии исходил Курнатовски при конкретном анализе истории расселения в регионе³⁴. Аргументируя вывод о многофакторности, обуславливающей особенности расселения, автор указывал на неоднозначность даже, казалось бы, давно признанных истин. Так, далеко не абсолютен тезис об уменьшении зависимости человека от природы в ходе исторического развития: современная механизация сельского хозяйства в умеренной зоне создала зависимость от погоды порой большую, чем в прошлом (дожди при уборке не позволяют использовать технику, а для ручной уборки рабочих рук уже не хватает; в прошлом же малые площади полей и серпы позволяли убирать переувлажненное зерно)³⁵. Предостерег автор и против абсолютизации археологических карт. Ибо характер размещения археологических памятников свидетельствует обычно, не о характере заселения, а об уровне изученности региона. Но если закономерности связи поселений с географической и социальной средой установлены правильно, заключает Курнатовски, дальнейшие исследования

³⁰ W. Hensel, *W sprawie metody mikrogeograficznej w archeologii*, „Sprawozdania z Prac Naukowych Wydziału Nauk Społecznych PAN”, t. 11 (1968).

³¹ Z. Kaczmarczyk, *Diskussion über die Zusammenarbeit zwischen polnischen Geschichtsforschern und Archäologen*, [w:] *Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht*, Berlin 1966.

³² В картотеке автора зафиксировано около 30 статей.

³³ S. Kurnatowski, *Badania zakładu historii kultury materialnej Wielkopolski i woj. zielonogórskiego nad okresem wpływów rzymskich i wczesnego średniowiecza na ziemi Lubuskiej*, „Archeologia Polski”, t. 13 (1968), z. 2.

³⁴ Там же, s. 182-185.

³⁵ Там же, s. 133.

лишь дополняют установленную картину, не изменяя ее³⁶. Эти идеи автор развил спустя несколько лет в других статьях³⁷.

Для понимания ситуации в польской археологии и вообще исторических науках середины 60-х гг. представляет интерес рассуждения Э. Домбровской, которыми она предварила монографию о расселении в Вислицкой земле³⁸. На основе собранного материала автор аргументировано продемонстрировала значение и возможности археологии. Поставив риторический вопрос: Надо ли вести археологические исследования по тем вопросам, которые уже изучены историками, Домбровская отвечает, что основное преимущество археологических материалов, на первый взгляд трудно читаемых и сложных для обобщений – неисчерпаемость. Поэтому, хотя археология – одна из самых молодых исторических дисциплин, которую можно сравнить с медиэвистикой на уровне рубежа XIX/XX вв., ее будущее и возможности выглядят оптимистично. А для начала раннего средневековья из-за отсутствия письменных источников археологические материалы выходят на первый план³⁹.

Такое публицистически заостренное начало монографии свидетельствовало о стремлении преодолеть скептическое отношение к археологии со стороны ряда историков. Эта ситуация, впрочем, была характерна не только для польской исторической науки. Забегая вперед, надо отметить, что именно успехи полевых исследований и обобщающие работы польских исследователей во второй половине 60-70-х гг. подняли уровень доверия к археологии.

Мысль Домбровской о роли археологии в познании истории расселения получила дальнейшее развитие в опубликованной год спустя статье А. Дымачевского, посвященной задачам и методике изучения древнего расселения⁴⁰. Сопоставив историко-географические и археологические штудии польских, а также немецких и скандинавских археологов, автор указал, что позиция этих исследователей предпочтительнее более узкого подхода историков. Археологи расширили источниковую базу исследований, учитывают роль природного фактора в процессе расселения, привлекают к своей работе природоведов⁴¹. Дымачевски упрекал и специалистов по исторической географии, которые, несмотря на стремление всесторонне рассматривать систему человек – природная среда, недооценивают материалы из археологических раскопок, которые могут конкретизировать их исследования. Это тем более актуально, что историки пока что механически

³⁶ Тамże, s. 186-187.

³⁷ Tenże, *Osadnictwo a jego rola w kształtowaniu krajobrazu*, „Folia Quaternaria”, t. 29 (1968); Tenże, *Badania zakładu historii kultury materialnej Wielkopolski i woj. zielonogórskiego nad okresem wpływów rzymskich i wczesnego średniowiecza na ziemi Lubuskiej*, „Archeologia Polski”, t. 13 (1968), z. 2.

³⁸ E. Dąbrowska, *Studia nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym ziemi wislickiej*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1965.

³⁹ Тамże, s. 9-10.

⁴⁰ A. Dymaczewski, *Kilka uwag o zadaniach i metodzie badań nad osadnictwem pradziejowym*, „Archeologia Polski”, t. 11 (1966), z. 2.

⁴¹ Тамże, s. 271.

используют выводы исторической географии. В данном контексте продуктивен новый подход, который рассматривает человека и природу в рамках единой экологической системы⁴². Автор, правда, отмечает наметившийся среди природоведов интерес к археологическим материалам. Но пока об этом они чаще говорят, чем пишут, замечает Дымачевски⁴³.

Обращается исследователь и к чисто археологическим проблемам. Археологи часто концентрируют внимание на одном объекте и постепенно, в ходе выявления связей конкретного поселения с окружающей средой, распространяют исследования на окрестности. Если это и оправдано по ходу исследования, то должно беспокоить в теоретическом плане из-за опасности изучения второстепенных поселений. Лучше сначала представить регион в целом, а потом изучать элементы его структуры. Тогда будет легче понимать место раскопанных объектов, интерпретировать материал и затем уже переходить к истории хозяйства. Начало работы с целого региона позволит использовать и статистику. Такой регион должен составлять несколько тысяч квадратных километров. Лишь в этом случае можно проследить динамику расселения, следы эксплуатации земли и т.д. На малой территории это незаметно⁴⁴. При таком подходе археологические материалы помогут и в изучении проблем запустения XV-XVI вв.⁴⁵. Замечу, что подобная методика была характерна для изучения восточноевропейской деревни (работы В. В. Седова, Т. Н. Никольской, автора этих строк)⁴⁶.

Свои теоретические изыскания Дымачевски продолжил и в статье о способах использования и интерпретации фрагментарного археологического материала⁴⁷.

Итоги работ с 1957 г. в юго-восточной Польше подвел в 1966 г. А. Куныш⁴⁸. Обратившись к теоретическим аспектам проблем расселения, автор рассмотрел существующие в литературе точки зрения (Ф. Буяка, С. Зайончковского, Ф. Персовского), но указал, что они, в общем-то, далеки от потребностей археолога. Автор предложил развернутую программу изучения селищ: а) изучение географической ситуации для выявления факторов, влиявших на создание поселений, б) топографический анализ ситуации, в) выявление элементов застройки, характера и техники строительства, г)

⁴² Tamże, s. 282-283.

⁴³ Tamże, s. 286.

⁴⁴ Tamże, s. 271-274.

⁴⁵ Tamże, s. 280.

⁴⁶ Т. Н. Никольская, *Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.*, Москва 1981; Я. Г. Риер, *Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X-XIII вв.*, „Советская Археология”, 1982, nr 4; Tenże, *Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X-XIII вв.*, [w:] „Методы естественных наук в археологии”, Москва 1987; В. В. Седов, *Сельские поселения центральных районов Смоленской земли*, „Материалы и Исследования по Археологии СССР”, 1960, nr 92.

⁴⁷ A. Dymaczewski, *Próba zastosowania metody reprezentacyjnej w badaniach archeologicznych*, „Archeologia Polski”, t. 16 (1971), z. 1-2.

⁴⁸ A. Kunysz, *Osadnictwo otwarte w Polsce południowo-wschodniej od VI do XIII wieku*, „Wiadomości Archeologiczne”, 1966, z. 4.

выявление окружающей поселение обстановки (пашни, пастбища, дороги, источники сырья, культовые места), д) выявление характера занятий жителей, их числа и социальной структуры, е) реконструкция истории поселения, ж) определение роли данного поселения в округе, з) выявление причины упадка (исчезновения) поселения, и) установление связей с соседними поселениями, в том числе и городищем⁴⁹. Безусловно, это, так сказать, идеальная программа, достижимая пока лишь в отдельных случаях, и не только в Польше. Но выполнение ее даже на некоторых эталонных памятниках в разных районах создает хорошую основу для познания многих сторон сельской жизни.

В основной части работы автор проследил особенности размещения поселений, их хозяйство, хронологию развития. Следуя своей программе, исследователь попытался рассмотреть и социальное положение крестьян. Но отсутствие археологических данных заставило его обратиться к уже известным положениям. Заключает исследование свод памятников региона.

В общем, это была первая в польской историографии обобщающая археологическая работа о средневековых сельских поселениях в географически крупной области. Она явилась как бы началом целой серии обобщающих статей и монографий по различным регионам Польши. Однако в разработке данной проблемы и аргументированности предлагавшихся в исследованиях выводов еще долго сказывалась ограниченность полевых работ на селищах и публикаций их результатов.

На неудовлетворительное состояние изучения раннесредневековых селищ указывала, в частности, автор изданного в 1967 г. обобщающего исследования об истории поречья Верхней и Средней Обры в VI - начале XI в. С. Гильчерувна⁵⁰. В основу монографии положены археологические материалы. Придавая важное значение экологическому окружению раннесредневекового населения, автор представила обстоятельный очерк географической среды региона. Хронологию поселений исследовательница обосновала подробным анализом керамики. Большое внимание уделено характеристике расселения топографии поселений, хозяйству деревни. Была также предпринята попытка реконструировать некоторые элементы общественных отношений. Те самым были значительно углублены сведения по истории региона и продемонстрировано значение археологии.

Исследования А. Куныща, С. Гильчерувны, А. Урбаньской, С. Курнатовского и других, в которых сочетались археологические исследования с учетом данных природоведческих наук, позволили проследить историю расселения в отдельных регионах Польши в течение длительных хронологических периодов. Была выявлена зависимость расселения от рек, почв, установлена связь типов и элементов природной среды с определенными типами хозяйства. Анализ размещения населения указал, какие природные факторы использовались населением в то или иное

⁴⁹ Tamże, s. 32.

⁵⁰ Z. Hilczarówna, *Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początku XI w.*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1967.

время. Тем самым антропогенные изменения природной среды, прослеженные и датированные археологами, стали дополнительными источниками для конкретизации знаний о развитии производительных сил. Подводя итог проделанной работе, Л. Лецеевич в 1968 г. призвал историков и историко-географов шире опираться на археологические исследования⁵¹. В частности, он подчеркнул значение археологических материалов для социологических построений.

Однако увлечение экологическими проблемами, динамикой расселения отодвинули на второй план анализ социально-экономических отношений в деревне. Поэтому и экскурсии в общественную жизнь были обычно слабо связаны с археологическим материалом. Такой подход к аграрной проблематике остался характерным и для последующего времени. В этом сказались, во-первых, влияние западноевропейской, и польской довоенной исторической географии, во-вторых, недостаточный размах раскопок на селищах (что, впрочем, было проблемой не только польских археологов), в-третьих, известная трудность общеисторических обобщений археологического материала. Очень мало в аграрных исследованиях использовались материалы погребений.

Подводя итоги послевоенным исследованиям, С. Гильчерувна обратила внимание на необходимость дальнейшего углубленного изучения связи населения с окружающей средой для выявления природных основ хозяйственного районирования⁵². Такие задачи требовали большего внимания археологов к экономике деревни, что уже отмечалось выше. Исследовательница также указала на необходимость шире использовать добываемые материалы для решения демографических вопросов, в частности, выяснения динамики роста населения по регионам и в Польше в целом. Отметила Гильчерувна и достижения археологов в изучении раннесредневекового земледелия, но указала, что вопрос о переходе от подсечного земледелия к пашенному еще остался дискуссионным.

С 60-х гг., после завершения цикла работ над проблемами государственности и формирования городов, изучение раннесредневековой деревни активизировалось. В 70-е гг. это отразилось и в публикациях. Ведущим направлением исследований оставалось раннесредневековое расселение. Издается серия работ, отражавших детальные исследования микрорегионов. Важно отметить, что эти работы велись по сходным программам на интердисциплинарной основе, в ряде случаев специальными научными коллективами, состоявшими из археологов, природоведов, историков. Использовался накопленный в 50-е гг. зарубежный опыт. В итоге к концу 70-х гг. такими локальными штудиями были охвачены почти все регионы Польши⁵³.

⁵¹ L. Leciejewicz, *Uwagi o problematyce badań nad osadnictwem Europy Środkowej we wczesnym średniowieczu*, „Studia z Dziejów Osadnictwa”, t. 6 (1968).

⁵² Z. Hilczerówna, *Ćwierćwiecze badań nad historią kultury materialnej Polski wczesnośredniowiecznej*, „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej”, t. 18 (1970), nr 4.

⁵³ Данной тематике было посвящено более 20 публикаций.

Общий обзор изучения раннесредневекового расселения в Велькопольше и перспективы дальнейших работ представили Софья и Станислав Курнатовские⁵⁴. Они выделили этапы изучения региона, определили роль различных научных дисциплин, указали значение проводившихся работ для изучения этнической и социально-экономической истории.

В 1971 г. была опубликована монография С. Подвиньской «Изменение форм сельского расселения на польских землях в ранне средневековье» – первый в польской медиэвистике обобщающий труд о деревне, основанный преимущественно на археологических данных⁵⁵. Оценивая достигнутое, автор отметила, что во всех предшествовавших работах преобладало изучение или археологических материалов, или письменных. В работах археологов письменные источники привлекались лишь для подтверждения отдельных тезисов, а историки поступали аналогично с данными археологии. Настало время, считает автор, в равной мере использовать обе группы источников⁵⁶. И в монографии соответственно использованы собранные за 50-60-е гг. археологические материалы, а также письменные и частично языковые (топонимические)⁵⁷. Но такое синтетическое исследование имело свои трудности, из которых основная – хронологическое несовпадение археологического и письменного материалов. Собранные к тому времени археологические данные прежде всего относились к VII-XI вв. и в, меньшей степени, – к XII-XIII вв., тогда как письменные источники дают информацию, да и то крайне фрагментарную, лишь с начала XII в., а более полную – с XIII в.⁵⁸. Исследовательница постаралась преодолеть эту трудность, совокупно рассматривая оба вида источников и выводы из их анализа. Такой подход встретил возражения со стороны Г. Лабуды, упрекнувшего автора в эклектичности отдельных выводов, основанных на указанной хронологической разнородности. Тем более, подчеркивал рецензент, имевшиеся письменные источники (в основном XIII-XIV вв. и даже XV в) подробно разработаны, тогда как археологические материалы охватывают лишь несколько районов Польши⁵⁹. Об опасности распространять выводы из обследования отдельных регионов на территорию целой страны позднее писал, ссылаясь на работу Подвиньской и рецензию Лабуды, немецкий археолог П. Донат. Он подчеркивал необходимость не переступать познавательные возможности археологии, в том числе путем совмещения материалов, разнородных типологически и хронологически⁶⁰.

⁵⁴ Kurnartowscy Z. i S. Perspektywy badań nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym w Wielkopolsce // Problemy badań archeologicznych Polski północno-zachodniej. Poznań. 1972.

⁵⁵ Z. Podwińska, *Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesniejszym średniowieczu*, Wrocław-Warszawa-Gdańsk 1971.

⁵⁶ Там же, s. 18-19.

⁵⁷ Там же, s. 11.

⁵⁸ Там же, s. 20.

⁵⁹ G. Łabuda, *O formach osadnictwa wczesnośredniowiecznej wsi polskiej (w związku z książką Zofii Podwińskiej)*, „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej”, t. 23 (1975).

⁶⁰ P. Donat, *Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus in Mitteleuropa*, „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft”, t. 31 (1983), z. 8.

Но, с другой стороны, Лабуда отмечал, что историкам нельзя недооценивать размах археологических исследований, который существенно расширяет наши знания. И в этом смысле работа Подвиньской – пионерская, имеющая большое значение для последующих штудий как археологов, так и историков, из которых и те, и другие должны разрабатывать свои круг источников и в определенной момент сравнивать результаты. В целом, несмотря на отдельные недостатки, обусловленные как ограниченностью материала, так и неразработанностью методики подобных обобщений, монография Подвиньской значительно расширила представления о средневековой деревне и дала импульс новым исследованиям, указав на нерешенные еще проблемы.

Во многих работах 70-х гг. польские археологи критически оценивали степень исследованности раннесредневековых сельских поселений. Особенно это относилось к поселениям первых веков II тыс. Причину такого состояния Д.Янковска, например, видела не только в прошлых традициях, когда неброская культура деревни не вызывала особого интереса у исследователей, но и в стремлении получить максимально быстрый эффект в условиях слабых знаний о польском раннем средневековье. Поэтому изучались преимущественно города и феодальные замки. Но, несмотря на критические высказывания о состоянии средневековой аграрной археологии со стороны ряда польских ученых в те годы, их опыт был достаточно высоко оценен во Франции, куда для участия в начавшемся археологическом изучении средневековой французской деревни были делегированы польские специалисты⁶¹.

Усиление внимания к изучению селищ поставило археологов перед необходимостью изучать невыразительный материал, полученный, нередко, в ходе разведок и поверхностных сборов. Это привело к необходимости изучения способов обработки полученных данных. В 1971 г. были опубликованы статьи: А. Дымачевского о методике работы с фрагментарным материалом (с применением математической статистики) и Р. Мазуровского об обработке подъемного материала (на основе, прежде всего, тщательного картографирования)⁶².

Среди публикаций результатов раскопок селищ наиболее значимой была серия материалов об исследовании комплекса у д. Спицимеж. Эта работа, проведенная в 60-70-е гг. под руководством Т. Поклевского – первая попытка археологического изучения конкретного феодального владения. Как указывал автор, по своему топографическому положению, четко очерченной территории, пригодной для расселения и сельского хозяйства, Спицимежская волость может стать примером в изучении доменов. Отмечая актуальность данной работы, Поклевски указал на недостаточность исследований феодальных поместий в польской медиевистике. Мало изучали феодальные владения, а также экономику отдельных деревень и археологи-аграрники.

⁶¹ W. Hensel, *Archeologia żywa*, Warszawa. 1983, s. 166-169.

⁶² A. Dymaczewski, *Próba zastasowania...*; R. Mazurowski, *Metoda szczegółowej inwentaryzacji powierzchni*, „Sprawozdania Archeologiczne”, t. 23 (1971).

уделявшие основное внимание проблемам расселения. Это относится и к другим странам Центральной и Западной Европы⁶³. То есть возможности археологии в исследовании доменов еще почти не использовались. А возможности эти, о чем свидетельствуют работы Поклевского, велики.

В Спицимеже исследования велись коллективом специалистов, который кроме археологических, использовал еще географические, топонимические и другие методы. Привлекались также письменные и картографические материалы. В результате удалось проследить формирование и развитие поселений, крестьянские усадьбы, развитие агротехники, размеры и очертания полей, складывание и развитие домена. Исследователями был применен весьма продуктивный, хотя и трудоемкий способ выявления древних полей путем зачисток предполагаемых мест старой пахоты и выявления следов работы пахотных орудий. В результате удалось установить размеры полей, увязать их с выделенными домохозяйствами, сделать отдельные выводы об агротехнике. Данная работа явилась качественно новым шагом в изучении деревни.

Оценивая значение этого исследования, следует согласиться с автором, который писал, что на фоне, в общем-то, убогих наших знаний о жителях средневековой деревни исключительно, если не уникально, выглядят результаты работ в районе Спицимежа. Эти исследования позволили весьма конкретно рассмотреть жизнь крестьянина в сложных экологических и социальных условиях. Иными словами, данная работа открыла новое направление в археологическом изучении польской средневековой деревни.

Методику, близкую описанной, применил при изучении комплекса средневековых поселений близ Волина В. Филиповяк⁶⁴. Там так же удалось выявить систему полей. Помимо археологических материалов, в исследовании широко были использованы данные топографии, топонимики и письменные свидетельства. Автор обратил внимание на большую роль дорожной сети в развитии поселений, расположенных близ крупного торгового центра – Волина. Раскопки велись и на других объектах.

Ряд исследований 70-х гг. был посвящен изучению хозяйственной деятельности деревенского населения. Наиболее значительные штудии о земледелии и скотоводстве принадлежали перу М. Дембиньской, С. Подвиньской и З. Шрамм. Изучались отдельные промыслы. М. Домбровска рассмотрела способы обогрева и освещения в средневековых польских жилищах. Но сельское ремесло не рассматривалось. Как и прежде, интенсивно изучались укрепленные поселения, как позднеродовые, так и феодальные. Многолетние исследования южнопольских городищ завершила Э. Домбровска.

Результаты археологических работ 60-х – первой половины 70-х гг. были обобщены в первом томе «Очерков истории материальной культуры

⁶³ T. Poklewski, *Spicymierska włość grodowa w średniowieczu*. Łódź. 1975.

⁶⁴ W. Filipowiak, *Z badań nad wczesnośredniowieczną wsią zachodniopomorską (Dobropole, pow. Kamień)*, „Archeologia Polski”, t. 17 (1972), z. 1.

Польши», изданном в 1973 г.⁶⁵. Отметим лишь некоторые аспекты объемного тома, связанные с интересующей нас проблематикой.

Разделы о деревне опираются на широкий размах археологических исследований предшествовавших изданию лет, более внимательный анализ письменных материалов и топонимики⁶⁶, хотя определенная неравномерность в территориальном охвате сохранилась. Лучше исследованы памятники Велькопольши, района Люблина, а также прилегающие части Нижней Силезии и Западного Поморья⁶⁷.

Основное внимание уделено географической среде, расселению и застройке (автор – С. Подвиньска), а также дорожной сети (автор – М. Дембиньска). В меньшей степени затронуты вопросы развития хозяйства и быта. Объясняется это, как уже отмечалось, общим направлением археологических исследований в Польше. Поэтому прав Перхавко, отметивший в рецензии недостаточную аргументированность отдельных положений, в частности, о времени появления плуга, неполную проработку вопросов о связях деревни с городом, о ремесле⁶⁸.

С другой стороны, упрек рецензента в излишнем внимании к влиянию природной среды⁶⁹ справедлив лишь отчасти. Действительно, внимание к экологическим проблемам не было уравновешено исследованиями материальной культуры и экономики в целом (особенно сельского ремесла). Но нельзя и недооценивать природное влияние, что в определенной степени было характерно для многих работ советских археологов, в трудах которых географическое описание исследуемой местности было слишком беглым или не увязывалось с последующим разбором археологического материала и выводами.

Опубликованный в том же году второй том «Очерков» характеризует XIII-XV вв.⁷⁰. И в нем рассмотрены вопросы расселения, а также демографии, хозяйства, доходы и быт жителей. Но источники – сугубо письменные и иконографические, что отражает слабую разработанность проблем развитого и позднего средневековья в польской аграрной археологии.

Таким образом, два первых тома «Очерков» продемонстрировали уровень знаний о средневековой польской деревне на конец 70-х гг. Археологически полнее исследованы были вопросы расселения и демографии. Большого внимания требовала не только экономика деревни, что отмечалось выше, но и изучение аграрных памятников высокого и позднего средневековья.

Конец 70-х и 80-е гг. характерны развитием прежних тенденций: основное внимание было приковано к проблемам расселения и укрепленным

⁶⁵ *Historia kultury materialnej Polski w zarysie*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, t. 1, 1978.

⁶⁶ Там же, s. 25.

⁶⁷ Там же, s. 36.

⁶⁸ В. Б. Перхавко, *Проблемы раннесредневековой археологии Польши*, „Советская Археология”, 1984, nr 3, s. 242-246.

⁶⁹ Там же, s. 240.

⁷⁰ *Historia kultury materialnej Polski w zarysie*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, t. 2, 1978.

поселениям. Публикаций о монографическом изучении отдельных селищ и о сельском хозяйстве – меньше.

В начале 80-х гг. значительное внимание продолжает уделяться проблемам расселения. Среди работ в этом направлении выделяются монографии Е. Лодовского и В. Лосиньского, для которых характерно особое внимание к экологическим основам размещения населения и влиянию окружающей среды на хозяйственную деятельность. В отличие от работ предыдущего времени авторы опирались на большее число источников (от нескольких сотен до более тысячи памятников), что делает полученные результаты более обоснованными⁷¹. Результаты изучения селищ представлены небольшим количеством предварительных сообщений. Специально о раннесредневековой застройке писал В. Шиманьски⁷². В нескольких статьях обобщались материалы о сельском хозяйстве раннесредневековой деревни. Интересно сопоставление средневековых деревень Польши и Франции по материалам тогдашних раскопок представил М. Глосек⁷³. Среди публикаций о городищах наряду с материалами исследований отдельных памятников и каталогами Э. Домбровска и Я. Громмицки представил обобщающие штудии о развитии системы гродов в VI-X вв. и рыцарских замков⁷⁴. Конец 80 – начало 90-х гг. отмечены продолжением публикаций по материалам раскопок поселений⁷⁵ и обобщением отдельных проблем, в частности, о строительстве⁷⁶.

Итак, прослежено развитие археологических исследований средневековой деревни в Польше до начала 90-х гг. прошедшего столетия. Условно в них можно выделить несколько этапов. Первый приходится на вторую половину 50-х гг. В это время очерчиваются основные цели и задачи предстоящих работ на основе небольших довоенных и послевоенных полевых исследований. Второй период – 60-е гг. – характерен наряду с раскопками появлением первых обобщений по отдельным регионам, а также усилением внимания к теоретическим и методическим вопросам. Третий – конец 60-70-е гг. – отмечен созданием ряда итоговых исследований на основе накопленного материала, стремлением к выработке общей картины сельского расселения. Совершенствуются и методы полевых работ. Четвертый период –

⁷¹ J. Łodowski, *Dolny Śląsk na początku średniowiecza (VI-X w.)*, Wrocław 1980; W. Łosiński, *Osadnictwo plemienne Pomorza (VI-X wiek)*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1982.

⁷² В. Шиманьски, *Сосуществование различных традиций славянского домостроительства VII-VIII вв. на примере поселения в Вышгороде Плоцкого воеводства*, [w:] *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*, т. 2, Киев 1988.

⁷³ M. Głosek, *Inwentarz kulturowy czternastowiecznych zagród w Dracy w Burgundii i w Zgierzu w Polsce środkowej – próba porównania*, „Medievalia Archaeologica”, Wrocław 1986.

⁷⁴ E. Dąbrowska, *Les étapes de l'évolution des castra der Slaves Occidentaux dans le Haut Moyen Age*, [w:] *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*, т. 2, Bratislava 1980. J. Grommicki, *Mittelalterliche Ritterburgen in Polen*, [w:] *Rapports du III-e Congrès d'Archéologie Slave*, т. 1, Bratislava 1979.

⁷⁵ H. Wiklak, *Osada wczesnośredniowieczna w Brzezinach-Rudczynie*, „Sprawozdania Archeologiczne”, т. 41 (1990).

⁷⁶ W. Chudziak, *Z problematyki wczesnośredniowiecznego budownictwa w dorzeczu środkowej Wisły*, „Sprawozdania Archeologiczne”, т. 41 (1990).

конец 70-х – 80-е гг. публикуются обобщения, своды, появляются региональные исследования, основанные на более широкой, чем прежде, источниковой базе.

Таким образом, археологическое изучение средневековой деревни в Польше, начавшись с отдельных раскопок предвоенных и первых послевоенных лет и пройдя период становления 50-х гг., достигло наибольшей интенсивности в 60-е и, особенно, в 70-е гг.